

- Уа-уа, у-у-у...

- Хрю-хрю-хрю...

Под свайным домом У Лаолю был загон для скота. Животные жались друг к другу, тяжело дыша, а их крики, похожие на плач младенцев, резали слух.

Ван Пэнпай и остальные затесались в самую гущу этого стада. Появление чужаков не вызвало у животных особой реакции – они лишь хрюкнули в ответ и, сбившись в плотную белую массу округлых тел, заслонили собой группу.

Здесь пахло резко – будто давно протухшим мясом, пропитанным прогорклым жиром. Этот смрад частично перебивал запах крови.

Прижавшись к животным, Сюй Чэнь бросил Ван Пэнпаю многозначительный взгляд. Рядом дрожал Юй Хэань, укутанный в старую бычью шкуру, на руках у которого лежал окровавленный человек, то ли живой, то ли нет.

Нужно было срочно что-то предпринять.

Чжао Хунту истекал кровью. Рано или поздно они учуют её, и тогда группа окажется в ловушке, беспомощная перед врагом.

Ван Пэнпай заметил взгляд Сюй Чэня, но едва заметно покачал головой.

Ещё не время.

Сюй Чэнь подавил тревогу и продолжил затаивать дыхание, внимательно следя за тем, что творилось снаружи.

Как они здесь оказались?

Всё началось с обряда «омовения младенца».

После эпизода с персиковыми амулетами все были настороже, понимая, что этот ритуал вряд ли пройдет гладко, тем более что они намеренно собрали меньше предметов, чем требовалось.

Когда в деревню «Бамбуковых Младенцев» явилась «повитуха», она «извлекла» младенцев из их животов.

Младенцы выглядели безобидными – маленькие и жалкие. Однако тела их были неполноценны: не хватало рук или ног, словно они родились с такими уродствами.

Но когда они выкопали их из могил – тела были целыми!

Они не знали, как обстоят дела у остальных, но у самих Ван Пэнпая и его товарищей возникло дурное предчувствие.

Пока они размышляли, повитуха достала яйцо и опустила его в таз с ручьевой водой.

Это было «лекарственное яйцо». Его сварили в кипятке, а затем повитуха, бормоча заклинания, прокатила его по всему телу младенца, приговаривая:

- Первым прокатом – кожа нежной станет.

- Вторым прокатом - насекомые не тронут.

И так до слов:

- Тысяча прокатов - и никакой хворь не пристанет!

Закончив, она очистила яйцо и протянула путешественникам:

- Пусть роженица отведаёт лекарственное яйцо!

Считалось, что роды отнимают у матери много сил, а это яйцо, благословлённое магией и прокатанное по младенцу, восстановит утраченное.

Но у группы возникло неудержимое желание его съесть.

«В этот раз лучше ничего не трогать» - вспомнил Ван Пэнпай.

В истории Пинпин все, кто отведал бульона из плоти младенца, погибли. Выжил лишь тот, кто опоздал и не стал его есть.

Поскольку они не знали, была ли деревня Чапин той самой «счастливицей», решено было не прикасаться ни к какой еде в Бамбуковых Младенцах.

Но планы - одно, а реальность - другое.

После третьего отказа повитухи, младенец у неё на руках заплакал.

И тут каждый почувствовал шевеление в животе.

Брюхо вновь раздулось, словно при беременности, но ещё сильнее, кожа натянулась до прозрачности, и сквозь неё отчётливо проступали очертания маленьких рук и ног.

- Ваш малыш не хочет уходить, - протянула повитуха, сверкая узкими глазами. - Съешьте яйцо. Или он останется с вами навсегда.

Искушение съесть яйцо стало невыносимым, почти сводящим с ума.

Ван Пэнпай прикусил язык, брызнул кровью повитухе в лицо и, воспользовавшись её яростью, выпрыгнул в окно.

Дом был невысок, он приземлился и помчался прочь. Чем ближе к яйцу - тем сильнее тяга, потому нужно было бежать.

Рядом из другого дома выскочил Чжао Хунту. Лицо его позеленело, он выпустил три стрелы в повитуху, та завизжала и уронила младенца.

Когда ребёнок ударился об землю, Чжао Хунту скривился от боли, схватился за живот и едва не упал.

Ван Пэнпай подхватил его и оглянулся: младенец не разбился, а перевернулся и пополз к ним.

Дальше оставалось одно - хватить товарища на плечи и бежать, кружа вокруг домов.

На втором круге из дома Юй Хэаня раздалось яростное мычание, дверь рухнула, и он выбежал

наружу, накрывшись бычьей шкурой. Он мчался с такой силой, что едва не врезался в повитуху, но Ван Пэнпай успел схватить его за рога, развернуть в нужную сторону, и теперь бежали уже трое.

Сначала погоня была медленной: повитуха ковыляла на двух ногах, словно не привыкла к ним, а младенец только ползал. Ван Пэнпай даже чуть не нагнал их, пробежав лишний круг.

Но через несколько кругов всё изменилось.

Повитуха опустилась на четвереньки и помчалась как зверь.

Младенец же перестал ползать, сел и зарыдал.

Чем громче он плакал, тем сильнее билось что-то в животах путников.

Боль была такой, что пот заливал лица.

Но теперь они не могли бегать по кругу – младенец сидел на месте, и рано или поздно они бы вернулись к нему.

К счастью, в этот момент Сюй Чэнь тоже выбрался наружу – бледный, но целый.

Четвёрка воссоединилась.

- Уровень благосклонности младенца высок, – коротко резюмировал Ван Пэнпай на бегу. – И предметов для обряда собрано недостаточно.

Они старались контролировать привязанность младенцев, и каждый принёс лишь часть нужного для ритуала, чтобы никто не стал главной мишенью.

Но несмотря на это, у всех уровень благосклонности был уже на половине.

Ван Пэнпай и Юй Хэань получили по 5 баллов, Сюй Чэнь – 6 баллов, а Чжао Хунту – 7. Именно у Чжао Хунту сейчас была самая сильная реакция, и ему было настолько плохо, что Ван Пэнпаю пришлось буквально нести его на себе.

Идея о значении предметов для обряда «омовения» пришла в голову Ван Пэнпаю. Турагентство постоянно ставило им преграды на пути. Если малое количество подготовленных вещей могло ослабить младенцев, то, значит, в этом таилась и соответствующая опасность.

- Чем выше симпатия, тем меньше соблазна, и тем больше младенцев остаётся.

Четвёрка быстро обменялась соображениями, и Ван Пэнпай сразу же выстроил порядок. Каждый из них подготовил по два предмета, только у Юй Хэаня было три. Первоначально он не хотел добавлять порошок из рога, но младенец в животе заставил его буквально корчиться от боли. Если учитывать уровень симпатии, то плод у Чжао Хунту не имел одной руки и ноги, у Юй Хэаня и Сюй Чэня не хватало только руки.

А у Ван Пэнпая плоду не хватало только левого уха.

Именно такие «сюрпризы» таились у них в животах.

- Так нельзя продолжать.

Сейчас они бегали кругами вокруг деревни бамбуковых младенцев, и, даже если до банкета трёх дней оставалось ещё пять часов, силы у них на столько не хватит. Но главное – усиливающаяся боль в животах и неутолимый голод постоянно ухудшали их состояние.

- Идём в загон для скота.

Ван Пэнпай быстро принял решение:

- Туда бежим.

Они ускорились, чтобы оторваться от акушерок и младенцев, и, когда ворвались в загон, смешавшись со скотом, те словно потеряли цель и начали блуждать по деревне без направления.

Наконец-то можно было немного перевести дух.

- Дома аборигенов обычно безопасны, – запыхавшийся Ван Пэнпай опустился на землю, не обращая внимания на грязь. Он был мокрый от пота, словно его только что вытащили из воды.

- У Лаолю кормит скот в пять вечера. Если повезёт, мы сможем продержаться до этого времени.

- Интересно, что так можно было, – тоже тяжело дыша, Сюй Чэнь поправил очки. – Но сами аборигены, несомненно, опаснее.

- Верно, брат Сюй прав, – Ван Пэнпай шлёпнул себя по животу и скривился от боли. – Лучше не использовать этот метод без крайней необходимости – кто знает, что может привлечь. Мы остаёмся только в загоне, не заходим в дом У Лаолю.

- Угу.

Все воспользовались этой редкой возможностью отдохнуть, восстановить силы едой и водой, обсудить дальнейшие действия.

- Банкет трёх дней назначен на шесть вечера. Если мы опоздаем на час, выйдет семь.

- Банкет – финальное событие второй достопримечательности, и сложность будет немаленькая. Если мы опоздаем, то не сможем скоординироваться с командиром Мяо и остальными.

- Главный вопрос – как избавиться от этой дряни в животе, – Юй Хэань был мрачен. – Мы не можем тащить эту гадость с собой, и уж точно не станем есть те чёртовы «лекарственные яйца».

Несмотря на свои слова, он невольно сглотнул слюну. Только что он съел два энергетических батончика, но они не помогли утолить голод. Остальные были в таком же состоянии: сколько бы калорийной еды они ни поглощали, насыщения не наступало.

- Нужно понять, как именно «лекарственные яйца» влияют на плод, – холодно заметил Сюй Чэнь. – Я видел на них особую серую иньскую энергию. То ли только яйца могут их удовлетворить, то ли всё, что обладает схожими свойствами.

Именно из-за желания получше рассмотреть яйца Сюй Чэнь так задержался. В его глазах «лекарственные яйца» выглядели как сгустки серо-коричневой обиды. Этот цвет очень напоминал оттенок злобы, исходящей от младенцев.

Выслушав его, все задумались.

- Может, вытащить своих младенцев и сварить? - Чжао Хунту, бледный от боли, не мог есть и только пил воду, судорожно сжимая лук, на руках выступили вены. Он говорил медленно, с трудом сдерживая мучения.

- Возможно, - Сюй Чэнь покачал головой и помог Чжао Хунту повернуться, чтобы тот мог опереться на скот и немного расслабиться.

- Но пока мероприятие банкета не началось, убивать младенцев, скорее всего, нельзя.

Хорошо бы узнать, как обстоят дела у командира Мяо и её группы.

Сюй Чэнь с сожалением вздохнул. Их стороны, должно быть, были зеркальными: если после ритуала «омовения» у Мяо Фанфэй и остальных младенцы-призраки не исчезли, то и у них плоды, вероятно, ещё пригодятся.

Но сейчас они были заперты в деревне бамбуковых младенцев, а Мяо Фанфэй находилась в Деревне Разрезанных Скал. Единственный, кто мог свободно перемещаться между ними, был гид Бин Цзю.

Скоро, совсем скоро он придёт.

Ван Пэнпай сказал:

- Сначала посмотрим, что будет дальше.

После «омовения» предстоит банкет трёх дней, и Бин Цзю непременно явится, чтобы объявить новое задание.

- Точно, гид Бин придёт! - Обрадованный Юй Хэань сразу воспрял духом, потирая руки и забыв даже о голоде.

- Надо быстрее придумать, что делать. Какой же позор, если гид Бин застанет нас в загоне для скота!

Уголок рта Сюй Чэня дёрнулся. Он не ожидал, что Юй Хэаня волнует именно это. Но, представив себе подобную картину, он тоже почувствовал лёгкое отвращение.

Однако, несмотря на такие разговоры, в ближайшее время у них не было других вариантов. Вокруг загона акушерки и младенцы ползали во все стороны, и лишь по окончании времени «омовения» акушерки исчезли с душераздирающими воплями. Вскоре из свайного дома У Лаолю вышел Бин Цзю.

Вэй Сюнь стоял на бамбуковых ступенях дома, смотря сверху вниз на загон, где его несчастные путешественники виновато улыбались ему.

Между ними лежали ступени, загон и добрый десяток белых животных. Хотя правила турагентства требовали, чтобы гид объяснял задания лично, но даже под страхом смерти Вэй Сюнь ни за что не ступил бы в загон для скота.

Тем более загон под домом У Лаолю, который, скорее всего, кишел насекомыми. Одна мысль об этом вызвала у него оторопь.

Как только он огласил правила предстоящего банкета трёх дней, очередь перехватывать дыхание наступила у Ван Пэнпая и его товарищей.

- Взять младенцев с собой на банкет трёх дней... Ох...

Для них это было отнюдь не хорошей новостью.

Теперь перед Ван Пэнпаем и остальными стояло две неотложные задачи:

1. Как избавиться от содержимого живота, не потребляя «лекарственные яйца».
2. Как доставить младенцев в Ущелье Потерянных Душ, опять же без «лекарственных яиц».

«Омовение» закончилось, но проблемы остались. Информация о банкете, которую предоставил гид Бин, уже была огромной помощью. Остальное путешественники должны были решить сами.

Тем более что, когда Бин Цзю объяснял задание, дверь дома со скрипом открылась, и У Лаолю с угрюмым лицом, с бамбуковым веником и совком начал спускаться вниз, видимо, собираясь убирать загон. В этот момент сердца всех замерли. Ван Пэнпай и остальные быстро закинули рюкзаки за спину, готовые в любой момент выскочить из загона. По сравнению с младенцами У Лаолю был куда более сильным монстром.

Им совсем не хотелось снова его злить.

Но никто не ожидал, что У Лаолю, увидев Бин Цзю, просто скривится, фыркнет и уйдёт обратно в дом!

Слава небесам!

Хотя было непонятно, как именно Гид Бин сумел этого добиться, это дало им драгоценное время, и даже Ван Пэнпай невольно расслабился.

Время было на вес золота - никто не знал, когда У Лаолю вернётся, поэтому они тут же начали обсуждать план действий.

- Цвет обиды у лекарственного яйца похож на цвет обиды у младенцев?

- Верно, - подтвердил Сюй Чэнь. - Нигде больше в деревне Мяо "Бамбуковые Младенцы" я не видел такой же оттенков обиды.

- Это странно, - пробормотал Ван Пэнпай, потирая подбородок. - Может, это одно и то же?

- Одно и то же? - нахмурил густые брови Юй Хэань. - Т-то есть... это яйцо тоже часть тела младенца?

- Нет, я не об этом, - покачал головой Сюй Чэнь, задумчиво глядя на Ван Пэнпая. - Брат Ван, ты имеешь в виду...?

- Допустим, просто предположим, - начал Ван Пэнпай. - Если это яйцо действительно символизирует «суп из плода», то что тогда представляет собой сам плод?

- Плоть плода! - вскрикнул Юй Хэань и тут же зажал рот рукой.

Акушерки исчезли, но младенцы остались. Они обнимали лекарственные яйца, бродя вокруг загонов для скота, их тёмные глазницы безжизненно смотрели в сторону группы, наполненные зловещей аурой, без малейшего намёка на детскую невинность. Но, по крайней мере, дети не решались подойти ближе, и пока здесь было безопасно.

Юй Хэань тут же понизил голос и торопливо продолжил:

- Но... но тогда того, кого съели, разве не должно быть...

Разве им не должен был быть призрачный младенец? Тогда откуда взялись эти дети?

- Старейшина деревни тяжело болен, ему срочно нужна плоть плода, якобы продлевающая жизнь... Ложь о плоти плода, большой пир, гости из других деревень, попытка подавить обиду плода с помощью мужской энергии... - бормотал Сюй Чэнь. - Призрак, вселившийся в команду Мяо, говорил, что старейшина хотел вылечиться, съев плоть плода, а те, кто выпил суп из плода, умерли...

- Но плод же такой маленький... Как думаете, могла ли быть ещё одна плоть? Может, старейшина съел ребёнка Пинпин, а остальные выпили суп из другого плода? Когда мы видели могилы плодов, их было несколько.

- Но если бы был другой плод, старейшине не пришлось бы убивать собственного внука, - возразил Ван Пэнпай. - Возможно, ребёнок его дочери был особенным.

- Есть ещё один момент, - нахмурился Сюй Чэнь. - Выбор между призрачным младенцем и младенцем - это альтернативный выбор, то есть эти две стороны должны вести к совершенно разным исходам.

- Если и призрачный младенец, и младенец - это съеденные плоды, они не должны быть врагами. Они должны ненавидеть тех, кто их съел.

Юй Хэань, не особо разбираясь в логике, в конце концов взял палку и начал рисовать на земле схему:

Призрачный младенец (плод) - старейшина - деревенские гости (?)

Младенец (плод) - деревенские гости

Первые и вторые - враги.

- Те разлагающиеся трупы в Маленьком Драконе-Складе Гроба, наверное, были жителями Деревни Разрезанных Скал, - неуверенно сказал Юй Хэань. - Они находятся в первой точке маршрута, разве они могут прийти сюда?

- История, рассказанная призраком, вселившимся в Мяо Фанфэй, точно связана с этим местом, - с трудом собрался с мыслями Чжао Хунту, выхватил палку у Юй Хэаня и обвёл кружком его записи.

- Ты написал про сторону призрачного младенца. Они разделились, их цели разные. Отбросим призрачного младенца Пинпин и старейшину, остальные улики сразу складываются в понятную картину.

- Почему младенцы хотят выпить суп из плода? - спросил Сюй Чэнь. - Они хотят восстановить

свои тела, чтобы переродиться?

- Брат Ван сказал, что призрачный младенец и плод - враги, - бормотал Юй Хэань, водя палкой по земле. - Хотят суп из плода, враги призрачного младенца. Хотят суп из плода, враги призрачного младенца... А!

Вдруг его глаза загорелись, и он резко поднял голову.

- М-может, эти гости из других деревень... Чжао Хунту, куда ты?!

Крики Юй Хэаня заставили всех обернуться к Чжао Хунту, и их сердца сжались от ужаса. Тот, оказывается, уже встал и шатаясь направлялся к краю загона.

- Хунту, что ты делаешь?! - рявкнул Ван Пэнпай, схватив его за руку и оттащив назад.

Но Чжао Хунту отчаянно сопротивлялся, сжимая живот, лицо искажённое мукой, всё тело покрылось потом, мышцы сводило судорогой.

- Я должен выпить суп из плода! Я должен выпить суп из плода!

- Он под воздействием! - Ван Пэнпай крепко держал Чжао Хунту, провёл лезвием по пальцу и прижал окровавленный палец ко лбу Чжао Хунту.

Тот закричал от невыносимой боли. Сюй Чэнь тут же зажал ему рот, но Чжао Хунту дёргался, как рыба на суше, стонал, и каждый его вздох заставлял других содрогаться. На лбу вздулись вены. Но понемногу его пустой взгляд начал проясняться.

- Очнулся? Как ты?

Чжао Хунту тяжело дышал, едва кивнул. Он слабо помотал головой, и Сюй Чэнь убрал руку, обменявшись с Ван Пэнпаем тревожным взглядом.

Конечно же, Турагентство не даст им передышки. Чжао Хунту только что потерял рассудок от жажды супа из плода. Пока этот предмет остаётся у него в животе, он не сможет полностью прийти в себя. Сейчас Ван Пэнпай и другие ещё могут его вернуть в сознание, но со временем Сюй Чэнь и Юй Хэань тоже начнут сдавать.

Если это случится - всё, конец!

Чжао Хунту тоже понимал это. Вспомнив, как его разум помутнел, как он полностью подчинился желанию выпить суп из плода, он покрылся холодным потом. Более того, он знал - это желание лишь временно подавлено. Оно всё ещё таится в глубине его тела и вскоре вернётся с новой силой, ещё более неистовым.

Так больше продолжаться не может.

Ни в коем случае...

Сжав зубы, Чжао Хунту схватил Ван Пэнпая за руку и с трудом выдавил:

- Лук... мой лук...

- Успокойся, не всё так плохо, - попытался утешить его Ван Пэнпай, но подал ему лук, не спуская с него глаз.

Чжао Хунту дрожащими руками постучал луком по ладони, и оттуда выпала бутылочка с лекарством. Сюй Чэнь и остальные немного успокоились.

Специальное оружие, купленное в Турагентстве или найденное в Путешествиях, иногда имеет потайные отделения для ценных предметов.

Чжао Хунту с трудом проглотил среднее зелье восстановления крови – самый дорогой препарат, который у него был. В "Пьянящей Красоте Западного Хунаня" большинство предметов бесполезны, и ему оставалось только надеяться на удачу.

Когда тёплая волна разлилась по животу, Чжао Хунту немного восстановил силы. Он провёл рукой по раздутому животу, будто что-то искал, затем глубоко вдохнул и, пока Ван Пэнпай и другие продолжали обсуждать ситуацию, в его глазах мелькнула решимость.

Стиснув зубы, он перевернул лук и без колебаний вонзил острую, как бритва, тетиву себе в живот!

- М-м! – сдавленно застонал он, лицо побелело от боли.

Когда он выдернул лук, брызнула кровь, а на наконечнике стрелы виднелась маленькая серо-синяя рука!

<http://bllate.org/book/14683/1308983>